

ДА НЕ УГАСНЕТ СВЕЧА...

Труд. — 1994. — 8 июня. — С. 8
Первые дни пребывания А. И. Солженицына на российской земле

В ходе опосредованного коллективного общения с вернувшимся на Родину после двадцатилетнего изгнания писателем (на эксклюзивные интервью для каких-либо изданий Солженицын не шел, дабы, как он выразился, не отдавать никому предпочтения до своего прибытия в Москву) я не раз ловил себя на мысли, что лучше всего его отношение к нынешней России можно было бы выразить летописной фразой московских князей: «Свеча бы не угасла!» Пращурь наши, некогда объединявшие разрозненные иноземным насилием русские княжества в одно государство, обеспокоены, кроме прочего, были еще и сохранением символов духовности нации — золотой свечи веры ее народа, не угасавшей в православных храмах.

Именно о необходимости возрождения духовности, являющейся сутью и подоплекой национального, общероссийского возрождения, и говорил на встречах со своими соотечественниками далеко не всегда понимаемый нами Солженицын. Нынешней аудитории дальневосточников, собиравшихся на эти встречи, к сожалению, много ближе и понятнее были сугубо политические или экономические проблемы общества, в сетях которых оказалась и российская провинция.

В Хабаровске, в фойе Театра музкомедии, где Александр Исаевич встретился с общественностью города, шахтер из Чегдомына Виктор Измайлов выговорил мне:

— О какой, к черту, духовности мне сейчас думать, если я свою январскую зарплату получил только в марте? А уж тот потребитель угля, что не платит мне за него и рвет кусок из рта, и вообще, я думаю, о ней не помышляет!

Однако горел же в глазах этого человека огонек подлинного интереса к личности автора «Архипелага ГУЛАГ», и беломорина в его крупных пальцах, заметил я, непроизвольно подрагивала: задело, видать, и его слово писателя, его предельно откровенная оценка сегодняшнего состояния России.

Во время трансляции этой встречи в местный эфир в телерадиокомитете, кстати сказать, раздалось несколько возмущенных звонков: кому-то не нрави-

лись высказывания «диссидента», ведущие, как выразился один из звонивших, к дальнейшему расколу общества и возбуждению недовольства правительственными реформами. Неоднородное наше общество неоднозначно отреагировало на приезд писателя, два десятка лет наблюдавшего за своей Родиной из зарубежного далека и три года назад предложившего свою программу ее обустройства, в которой он предостерегал соотечественников, что самое опасное при переходе от одной социально-экономической системы к другой — это пойти по пути февраля 1917 года, за восемь месяцев разрушившего все, чем могла бы гордиться Россия. Но именно это, по оценке писателя, и произошло с нами сейчас, когда мы слишком поспешно, «в угоду политическим течениям» попытались сменить «коммунистическую» окраску своего общества на «демократическую».

Слушая Александра Исаевича, я вспомнил об одном неофициальном высказывании академика Аганбегяна, сделанном им лет шесть назад на встрече с баумовцами. Звучало оно примерно так: нынешняя экономическая ситуация похожа на положение, в котором оказалась рассыхающаяся на отвали лодка: мы наконец-то спихнули ее в реку, и хотя не имеем пока ни весел, ни паруса, это уже движение, теперь сама ситуация заставит страну искать наиболее оптимальные методы его управле-

нием... Я спросил мнение Солженицына о такого рода академическом оптимизме.

— Это было безумием, — возмущенно отреагировал писатель. — Не разумнее ли было бы в этой «лодке» сначала дыры залатать, определить, куда и как плыть, и только потом начинать «плавание»?..

— Научно продуманной и обоснованной программы реформ у нас не было, — убежден писатель, — а было желание номенклатурного аппарата перестроить существующую систему под себя, дабы сохранить за собой право управления государством. Вся перестройка — это безумное разрушение производственных и экономических связей страны. Я не хвалю СССР, но реформирование его подразумевало эволюционный процесс, постепенный переход от одной экономической системы к другой. И начинать надо было с малого — с изменения экономики снизу, с организации малого бизнеса и малого товарного производства. А вместо этого при наличии крупных монополий производителей началась либерализация цен, развязавшая монополистам руки (много выгоднее оказалось повышать цены, чем совершенствовать производство), и лишенная общественного контроля повальная приватизация, больше похожая на грабеж государства. Нынешним реформаторам нечем гордиться.

Во Владивостоке и Хабаровске писатель посетил места массовых захоронений жертв политических репрессий, встретился с рабочими, сельчанами, рыбаками, представителями творческой интеллигенции, подолгу беседовал с главами администраций. Больше слушал, спрашивал, один за другим заполняя уборым почерком свои рабочие блокноты.

— Что я уволю из Хабаровска? Тетраль с записями, которые еще предстоит осмыслить, систематизировать. Это высказы-

вания, мысли, настроения дальневосточников — как правило, умных и деятельных людей, ищущих приложения своих сил в новой жизни России. И, честно сказать, меня эти встречи с ними обнадеживают, дают импульс веры в будущее нашего государства, которое мы должны строить на основах народовластия, истинной демократии, которой у нас пока что и близко нет.

«Необходимым для России, — заявил писатель, — считаю возвращение в ее лоно 25 миллионов русских людей, «переданных» Украине, Казахстану и Белоруссии в ходе раздела бывшего Советского Союза вместе с частью исторически российских земель и областей. — Факт совершенно потрясающий, не имеющий аналогов в истории ни одного государства. Необходимо будить общественное правосознание и заново собирать Россию».

Наверное, какие-то высказывания Александра Исаевича неоднозначны и достаточно спорны. Мнение вернувшегося изгнанника, заново осмысливающего историю своей Родины в ее неразрывной связи с сегодняшним состоянием, конечно же, не истина в последней инстанции, но неординарность его мышления и искренняя боль за судьбу Отечества безусловны.

Кстати, писатель, избегающий эксклюзивного общения с представителями прессы, в коротком разговоре со мной высоко отозвался о газете «Труд», подчеркнув, что он не напрасно выбрал ее, когда решил обратиться к украинскому референдуму: «Думаю, я нашел самый лучший путь обращения к народу Украины и России и в будущем обязательно воспользуюсь этой возможностью для общения с вашей читательской аудиторией».

Игорь КРАСИКОВ,
соб. корр. «Труда».

ВЛАДИВОСТОК —
ХАБАРОВСК.